

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый

Господинъ Редакторъ!

Въ отдѣлѣ «Хроника и смѣсь» 2 вып. V тома «Неврологическаго Вѣстника» помѣщена замѣтка, въ которой говорится, что «въ Херсонской психіатрической лечебницѣ производится ревизія по поводу обнаруженныхъ въ ней злоупотребленій со стороны завѣдующаго врача, который временно устраненъ отъ исполненія своихъ обязанностей». Это естественно наводитъ автора замѣтки «на очень грустные размышленія». Нельзя не согласиться съ авторомъ, что «крайне грустно отмѣчать въ нашихъ лѣтописяхъ подобные печальные факты». Но прежде чѣмъ тѣ или другіе факты признать съ нравственно-этической стороны печальными и публиковать ихъ, казалось бы, надо а priori убѣдиться въ ихъ дѣйствительности. Повторяю, авторъ замѣтки говоритъ объ обнаруженныхъ въ Херсонской лечебницѣ злоупотребленіяхъ. Но представьте себѣ, Господинъ Редакторъ, что ничего подобнаго, о чемъ авторъ такъ сожалеетъ, въ Херсонѣ не произошло! Каково тому лицу, о которомъ Вы печатно и въ общихъ выраженіяхъ оповѣщаете столь ужасные факты! Согласитесь, что это нравственная казнь, разумѣется, при условіи, если она незаслужена. Правда, въ такихъ случаяхъ говорятъ, что виновникъ торжества (предполагаемый преступникъ), если онъ правъ, имѣетъ полную возможность доказать свою невинность. Это вѣрно только съ формальной стороны, а не по существу: «пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ». Замѣтка не могла не произвести должнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что авторъ касается не научнаго или административнаго авторитета, а заолустнаго земскаго врача, который только и можетъ разсчитывать на извѣстность, благодаря подобнымъ отношеніямъ печати. Едва ли возможно съ этимъ не согласиться. Перехожу къ фактической сторонѣ дѣла, кстати сказать, изложенной мной въ письмѣ въ редакцію газеты «Врачъ». 11 мая 1896 г., послѣ цѣлаго ряда проступковъ по службѣ, мной былъ уволенъ писмоводитель лечебницы дворянинъ Пфунтъ. Въ теченіи мая и іюня 1896 г. онъ неоднократно обращался ко мнѣ съ ходатайствами принять его обратно на

службу. Ему было въ этомъ отказано. Тогда онъ въ концѣ іюня 1896 г. подалъ на меня въ губернскую земскую управу доносъ, который былъ разсмотрѣнъ управой и признанъ ею «пасквилемъ», незаслуживающимъ никакого вниманія. Узнавъ частнымъ образомъ о доносѣ Пфунта, я обратился съ настоятельной просьбой въ управу о разслѣдованіи доноса этого по существу. Последнее произвелъ заведующій благотворительными учрежденіями земства членъ управы Г. Славинскій, который пришелъ къ заключенію, что доносъ Пфунта ничего общаго не имѣетъ съ дѣйствительностью, въ чемъ и составилъ актъ. Кромѣ того, я подалъ въ медицинскій совѣтъ врачей лечебницы заявленіе, въ которомъ просилъ разсмотрѣть и разслѣдовать этотъ доносъ, при чемъ а priori заявилъ, что, если жалоба Пфунта справедлива въ той или другой своей части, я сочту своимъ нравственнымъ долгомъ оставить службу въ лечебницѣ. Само собой разумѣется, что въ совѣтѣ участвовали по данному вопросу всѣ бывшіе въ то время наличные врачи лечебницы, кромѣ меня. Когда проски Пфунта въ Херсонѣ окончились ничѣмъ, онъ подалъ на меня жалобу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое препроводило ее на усмотрѣніе Г. Херсонскаго Губернатора. Г. Губернаторъ поручилъ врачебному инспектору разслѣдовать жалобу. Освѣдомленный о предстоящемъ разслѣдованіи, я подалъ въ губернскую земскую управу прошеніе о разрѣшеніи мнѣ отпуска. Считаю не лишнимъ прибавить, что черезъ 2—3 недѣли, послѣ начала разслѣдованія, управа предложила мнѣ вступить въ должность. Я однако настойчиво ходатайствовалъ передъ управой о продолженіи отпуска вплоть до окончанія ревизіи. Ревизія Г. врачебнаго инспектора была закончена 5 мая, и на слѣдующій день я вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей. Г. Херсонскій Губернаторъ, согласно существующимъ узаконеніямъ, передалъ означенное дознаніе въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, которое постановило жалобу Пфунта оставить безъ послѣдствія.

Завѣдующій Херсонской губернской земской психіатрической лечебницей врачъ *Д. Гинзбургъ-Шика*.

Отъ Редакціи. Съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ письмо д-ра Гинзбургъ-Шика, такъ какъ изъ этого письма видно, что свѣдѣнія относительно Херсонской лечебницы, проникшія въ общую прессу, далеко не отвѣчаютъ дѣйствительности. Намъ непонятно только неудовольствіе доктора на нашъ журналъ. Замѣтка, вызвавшая письмо д-ра Гинзбургъ-Шика, была составлена на основаніи извѣстій, помѣщенныхъ въ № 17 «Врача» отъ 24 апрѣля и оставшихся безъ поправленія и опроверженія до второго выпуска «Неврологическаго Вѣстника», вышедшаго 21 мая (письмо автора во «Врачѣ» появилось нѣсколько позднѣе, а именно въ 22 № отъ 29 мая, который былъ полученъ въ Казани въ первыхъ числахъ іюня). Понятное дѣло, что нашъ хроникеръ могъ пользоваться только тѣмъ матеріаломъ, какой имѣлъ въ своемъ распоряженіи, обойти же молчаніемъ по-

добные факты, конечно, не имѣлъ права. Принимая, однако, во вниманіе, что эти данныя могутъ оказаться не вполне или и совсѣмъ не точными, Редакція, заявивъ, что не будетъ пока комментировать дѣла, ограничилась лишь общимъ замѣчаніемъ: «крайне грустно отмѣчать въ нашихъ лѣтописяхъ подобные печальные факты». Эти слова мы повторяемъ и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, каждый фактъ, на долгое время нарушающій нормальную жизнь всего заведенія, какого бы въ частности характера онъ ни былъ, долженъ быть отнесенъ къ категоріи фактовъ безусловно печальныхъ. Мы думаемъ, что съ этимъ взглядомъ согласится и д-ръ Гинзбургъ-Шикъ.
